

Стоящий

Тетерин Кирилл

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Автобиографический Рассказ

Кирилл Михайлович Тетерин

Стоящий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67638894

SelfPub; 2022

Аннотация

Рассказ о том, как нелегко сделать выбор в принятии своего жизненного пути. Рассказ во многом автобиографичен и повествует о буднях молодого актера, ищущего признания и самореализации своей индивидуальности. Но человеку порой сложно сохранять верность своим целям, потому что наш современный мир никогда и никому не верит...

Содержит нецензурную брань.

Кирилл Тетерин

Стоящий

«...И все пройдет, и все придет,

А нам бы только лишь идти,

И делать то, за что дает

Судьба прекрасные дары!..»

Тетерин Кирилл. Июль 2018.

– Стоп! Снято! – закричал режиссер, надрывая связки.

С бормотанием и гулом толпа продрогших, измученных дождем и четырехчасовыми непрерывными съемками, поплелась в палатку, где их ждал горячий чай.

– Зверев! – крикнул режиссер. – Молодец! Классно играл!

– Мы еще не то можем! – отсалютовал Евгений, спеша в укрытие.

Алексей снял крестьянскую рубаху, дрожа, надел теплую кофту. Взял пластиковый стаканчик с чаем, и сев на стульчик рядом с выходом, шмыгая носом, наблюдал за тем, как матерящиеся техники сворачивали аппаратуру.

– Хорошая новость! – усмехнулся Евгений, подсаживаясь рядом. – За погоду нам доплатят по пятихатке. Разговаривал сейчас со Светкой, пожаловался ей про простатит... Эх, хорошая девка!

– Верно, новость отличная, мне как раз хватит на мой платеж за телефон, – улыбнулся Алексей, наблюдая за тем, как Евгений выливает чай на землю и заливает в стаканчик коньяк.

– Зачем вам все эти айфоны?! Не пойму! Мне моего काफी достаточно! Не желаешь? Для согрева.

– Можно, – пожал плечами Алексей и тоже выплеснул горький чай на землю. Чайные пакетики лежали как забытые трупы солдат на поле боя.

Выпили. Коньяк грел Алексея лучше, чем чай. Он подумал о Катюше, которая сейчас где-то в Москва-Сити снимала со своими подругами очередное видео для Тик-Тока. Ей, должно быть, сейчас тепло и уютно в торговом центре. Сам Алексей не любил торговые центры, чувствуя себя неполноценным человеком, каждый раз находясь в них. Он мечтал однажды, став известным артистом, что купит для Кати все, что она захочет. Но этот светлый день никак не хотел наступать.

– Ты паришься о платежах, а вот мне и платить не за что, кроме коммуналки, – сказал Евгений. – В мои то годы, какие кредиты?!

– А здоровье как же? Например, грыжу свою вылечить, – ответил Алексей, указав на живот Евгения, из которого торчало что-то, что можно было спутать с эрекцией. Только вот эрекции не бывает выше пупка.

– А что грыжа? Если она меня не убила за двадцать лет, то

и сейчас не убьет. Ладно, есть предложение, как дадут деньги, пойти в одно местечко недалеко, выпить пиво. Ты как?

– Не могу, – покачал головой Алексей, – у меня сегодня еще смена в курьерке.

– Ай! – махнул рукой Евгений. – В такую погоду только себя гробить! А я выпью, хочу отдохнуть перед завтрашними съемками. Ты, кстати, в деле?

– Света мне ничего пока не говорила.

– Сейчас поймаем ее и спросим! – Евгений подмигнул.

Статисты уже переоделись, курили, разговаривали, допивали чай и ждали оплаты.

К ним вышла высокая блондинка в плаще, с папкой и конвертом в руках.

– Граждане статисты! – закричала девушка. – Сейчас я буду называть фамилии, и кого назвала, подходите за деньгами. Так... Аверин!

Когда подошла очередь Евгения, он расписался, положил деньги в карман джинсов, подманил Алексея.

– Светик, милая моя, завтра я иду на съемки «Хочу развестись».

– Ну и?

– Леха-то идет?

– Алексей? – Светлана смерила того взглядом, сморщила лоб. – Не знаю.

– Посмотри сейчас, может тебе режиссер уже написал, – сказал Евгений. – Понимаю, что ты забегалась! Работа бе-

готливая!

– Позже, – покачала головой Светлана.

– Эй! Чего очередь-то задерживаете?! – возмутился стоящий за ними мужчина. – Мне еще памперсы покупать.

– Уважаемый, подожди еще минуту! – улыбнулся Евгений. – Дело срочное!

Алексей жевал нижнюю губу.

Светлана посмотрела в телефоне переписку:

– Ах да!.. Я забыла! – воскликнула она.

– Ничего страшного, – пробормотал Алексей.

– У тебя же роль любовника мачехи. Утвердили. Я тебе скину адрес и время... Черт! Прости мою забывчивость. Спасибо, что напомнил, Женья!

– Какие пустяки, – пожал плечами Евгений. – В следующий раз куплю тебе шоколадку.

– Курочкин! – проголосила Светлана.

Отстегнув свой велосипед от забора, надев капюшон зеленого дождевика и поправив термосумку на плечах, Алексей посмотрел на зажигающиеся огни города. Дождь превратился в морось. Желтые листья усеивали дорожку через парк, словно мертвые цветы будущую сцену.

– Может все-таки выпьем пиво? – спросил Евгений.

– Сожалею, у меня уже первый заказ ждет. Есть сигарета?

– Держи.

– А завтра ты кого играешь?

– Твоего отца. Светлана уже скинула текст. Перед снов

поучи. Эй, что с лицом?..

– Да так...

– Да говори, кто может тебя понять, кроме меня? Отцовский опыт не пропьешь.

– Не такого я ожидал после окончания «шуки». Играть статистов. Стоять на месте и никуда не идти.

– В твои-то годы! – усмехнулся Евгений, освещая свое лицо алым огоньком сигареты. – Ты просто не ищешь то, что тебе нужно.

– Все, что мне нужно, требует опыта. Сам знаешь.

– Ну и набирайся опыта здесь, а потом все равно заметят. Но не жди, а показывай себя во всей красе! Как я сегодня. Даже Майков заметил, похвалил.

– Ты фактурный! Тебя грех не заметить.

– Это не причем, нужно просто ловить момент и пусть он толкает тебя.

– Ладно, приму к сведению. Давай, до завтра. Помчался.

– Удачи!

К десяти вечера Алексей совсем продрог до костей. Он собирался поехать домой, принять горячий душ, изучить присланный Светланой текст и крепко поспать.

Спускаясь в метро, вначале ему написала Катя: «Я закончила, еду домой. Как у тебя дела?»

Алексей ответил: «Все хорошо. Тоже еду домой. Через час созвонимся.»

Катя: «Буду ждать.»

А потом позвонил Антон:

– Здоров, лицедей!

– Привет, что случилось?

– Да ничего! День дерьмовый! Давай забежим в Мак. Я на Авиамоторной. Хочется отравиться бургером и колой. Ты как?

– Я как раз домой собирался, Катя позвонит через час.

– Поговоришь со свой инстасамкой в маке. Пойдем! А то скучно!

– Хорошо. Через десять минут.

В вагоне, под землей, Алексей смотрел на свое отражение в стекле. Худощавый, как тень от фонарного столба парень двадцати двух лет. Что он может дать людям, как актер? Или более конкретно – чем он может привлечь внимание режиссеров, чтобы его взяли на хорошую роль?

Обычное лицо. Обычные глаза.

Вот парень, позади него, отражающийся рядом с его бледным отражением – он гораздо больше походит на актера. Борода, хвост позади, мужественность и... шикарный костюм. Должно быть он работает каким-нибудь менеджером, или банкиром, а ездит в метро ради экономии. Почему он не стал актером? Из-за отсутствия таланта? Да бросьте! Сейчас талант не играет роли, все решает внешность. А уж если заметили выделяющиеся лицо, то присмотрятся и к способностям.

«Мне бы быть как Евгений! Он кого угодно сыграть мо-

жет, да только ему не везет!» – подумал Алексей, выходя из вагона и неуклюже волоча велосипед.

Спешащий мимо бородатый менеджер/банкир задел грязное колесо, испачкал брюки шикарного костюма.

– Извините, – пробормотал Алексей.

– Cretino! El metro no es para andar en bicicleta! – судя по тону, заругался тот и широко шагая, ушел налево.

– Иностранец! – удивился Алексей.

– Ты так и будешь стоять как вкопанный?! – проворчала старуха с сумками, отталкивая Алексея с велосипедом.

В «Макдональдсе» Алексей грелся капучино и вяло жевал луковые колечки, наблюдая за тем, с каким аппетитом Антон уничтожает картошку фри и гамбургер.

– Я вот не понимаю, ты окончил свою «щуку» в основном с тройками, и мечтаешь при этом попасть в большое кино. Глупости!

– Ну и что? Хит Леджер вообще нигде не учился.

– Хит Леджер умер. Плохой пример, – покачал головой Антон.

– Хороший пример, а умер он по другим причинам. Ты свои рассказы забросил писать. Почему?

– Я понял, что без образования, мне не стать писателем.

– Это не важно, есть образование или нет. Важно другое. Как говорит Катя, просто делать и все.

– Делать-то можно, но, когда получится, неизвестно. Так можно всю жизнь делать, делать, а в итоге ни черта... До

конца жизни – ничегошеньки!

– Ты зачем меня позвал? – спросил Алексей. – Мозги мне травить?

– Да нет, предложение у меня к тебе, – Антон дожевал бургер. – Меня повышают на складе. Я стану пусть и небольшим, но начальником. Пойдем ко мне работать в смену. Вакансии как раз свободные есть.

– Не могу, у меня роли, – покачал головой Алексей.

– Роли! – засмеялся Антон. – Ты так и будешь по своим ролям бегать, ни черта не зарабатывать. А так в месяц тысяч пятьдесят будешь иметь. Просто у меня там на работе особо друзей нет... Ты единственный мой друг.

– А Кирилл? С твоей работы?

– С этим зайкой я только бухаю, потому что он всегда угощает. Какой он мне друг?

– Я подумаю.

– Подумай.

У Алексея зазвонил телефон.

– Это Катя.

Антон сморщился – у него было врожденное отвращение к симпатичным девушкам. Алексей знал, что он считал их всех пустыми дурочками, которым нужны только деньги. Часто он говорил: «Чем страшнее девушка, тем меньше запросы, а дырка при этом у всех одинаковая!»

– Алло, привет Катюша.

– Привет. Как прошли съемки?

– Отлично. Только промок как собака и замерз.

– Ко мне не хочешь приехать? Закажем суши.

– Извини, я не могу...

– Если ты переживаешь из-за денег, то я сама заплачу.

Мне пришел мой первый гонорар за десять тысяч просмотров.

Антон громко прошептал:

– Опять сиськами трясла?

Алексей отмахнулся от него.

– Я не из-за этого переживаю... Завтра у меня в семь утра роль. Еще одна с текстом. Нужно время выучить. А после съемок можем погулять, если хочешь?

– Хочу. Погуляем по Арбату?

– Отличная идея!

– Ну пока, учи роль. Целуя тебя.

– И я тебя целую.

– Фу! – поморщился Антон. – Вы еще не называете друг друга «заями»?

– Пока нет, – пожал плечами Алексей.

– Бросал бы ты ее. По ее внешности и по твоим возможностям, вы не пара. Она почти звезда Тик-Тока. А ты играешь в массовке и развозишь еду.

– Не учи меня жизни! Я ее люблю... Тем более, когда Катя раскрутится, она хочет привлечь меня и прорекламирровать.

– Тоже неплохо. У нее получится. Спрос на сиськи всегда есть.

– Ладно, хватит уже! – Алексей допил кофе. – Пошли, до- мой еще ехать почти полчаса.

– Пошли. И подумай над мои предложением.

– Подумаю, – тяжелый вздох.

К часу ночи пришла с работы мать.

Алексей уже в десятый раз перечитывал сценарий, репети- ровал перед зеркалом. Ему казалось, что кульминацион- ная реплика: «Да, я люблю твою жену, папа, а она любит ме- ня!» – плохо удавалась ему. Он записал сорок три версии этой фразы на диктофон, прослушал и ни одна ему не по- нравилась. Что ему не хватало? Наверное надрыва. И реали- стичности. Алексей не мог представить себя в этой ситуации.

– Привет, не спишь еще?

– Нет, мам, репетирую.

– Что репетируешь? – мать сняла туфли, откинула их в разные стороны, прихрамывая, понесла на кухню пакет.

– Завтрашнюю роль. Завтра утром съемки постановочно- го реалити-шоу. Я играю любовника своей мачехи.

– Как современно! – усмехнулась мама. – Ты уже ел? А то я купила по дороге шаурму. Не хотела ничего готовить.

– Ел, посидели с Антохой в Маке... Он звал меня к себе, на склад работать. Но честно, я не хочу.

– Если не хочешь, не иди, – ответила мама, намешивая себе водку с колой. – А что, Антон не пишет свои рассказы?

– Нет, пока что не пишет.

– А мне так понравилась его история про балерину, кото-

рая сломала обе ноги... Не помню, чем закончилось, вроде как она стала преподавать в школе балета. Или типа того. Но история крутая! Зря он не пишет...

– Как день прошел?

– Ужасно! – воскликнула мама, выпив свой коктейль залпом. – Я не пожелаю такого дня своему сыну. Десять покупателей смотрели эту квартиру, вынесли мне весь мозг, но так никто и не купил. Кто они после этого?

– Долбени! – улыбнулся Алексей.

– Это я так говорю обычно! А как ты сам говоришь?

– Не знаю...

– Ну скажи! Развесели меня!

Алексей вздохнул, растянул пальцами рот и глаза, приподнял нос так, чтобы напоминал пяточок свиньи, высунул язык и проблеял старческим голосом:

– Кретиняяки! – и засмеялся, словно Джокер.

– Фу! Это ужасно! – засмеялась мама и захлопала в ладоши.

– Ты сама просила.

– Ну хоть чему-то тебя научили на курсах. Ладно, я в душ и спать. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – Алексей разобрал пакет, разложил продукты по холодильнику.

Прежде чем пойти в свою комнату спать, Алексей убедился, что мама в душе, открыл ее сумочку, вытащил кошелек и положил туда свои заработанные на съемке деньги. Она

всегда отказывалась от его денег, говорила, чтобы он копил на мечту. Но его мечту невозможно исполнить накопленным капиталом. Если бы все упиралось в это, Алексей давно стал актером.

В шесть утра Евгений встретил Алексея у входа в студию – он курил и пил двойной «американо». Его бледное опухшее лицо озарилось улыбкой.

– Здорова, напарник! Ну как, готов попасть в большой мир кино?!

– До большого мира еще далеко. Выглядишь так себе.

– По сюжету, твоя мачеха замутила с тобой, потому что я пьющий, – Евгений обвел вокруг своего лица стаканчиком с кофе. – Примерам не придется меня гримировать! Все натурально!

– Вчера перегнул палку? – спросил Алексей, закусывая губы.

– Нет, опрокинул много стаканов, – ответил Евгений. – Да и встретил одного хорошего знакомого. Музыканта. Он играет в метро на Павелецкой. Для саксофониста очень даже неплохо, хотя я не люблю все эти духовые. Выпили. Обмыли наш заработок. Спели пару песен в караоке.

– Ты ходишь в караоке?

– А ты разве нет?

– Нет, я стесняюсь петь на людях.

– При твоей-то профессии стеснятся никого нельзя, – покачал головой Евгений. – Вот хочешь, сейчас я сниму ру-

башку, пойду к этим людям и прокричу, что я лев. Именно прокричу!

Алексей бросил взгляд на дворника в оранжевой робе, который копошился на кучкой мусора словно личинка коло-радского жука над картофельным кустом. На проходящую мимо пару в деловой одежде – на их лицах смешение растерянности и страха – наверное им предстоит сделать что-то грандиозное и неприятное.

– Нет, не хочу! Зачем пугать людей, у них и так утро.

– Зря, – пожал плечами Евгений. – Зато бы я их разбудил.

– Ты кофе в аппарате брал?

– Да, он там, но работает только кнопка с «американо».

Сломался, бедняга... Да, а голова все-таки болит.

Евгений залюбовался облаками. Они плыли по чистому, вымытому вчерашним дождем небу, словно каравеллы. Кажалось, что они задевают острую иглу Останкинской башни, которая так напоминала памятник шприцам всего мира. Алые, как капли крови, солнечные блики встающего светила окропили окна «Седьмого Неба».

– Красиво, – пробормотал Евгений.

Его руки тряслись. Лицо напоминало восковую свечу – левый уголок рта слегка опустился вниз. Но он это не заметил. И ничего не чувствовал.

– Слушай, Евгений, а ты разве не мечтаешь попасть с большое кино? – спросил Алексей, размешивая пластиковой палочкой сахар на дне стакана.

Евгений хмыкнул:

– Для меня это не только способ заработать, но и развлечение. А в большом кино все такие серьезные, все такие замученные. Ты сам видел этих больших артистов. А статист что, снялся, сделал свое дело, получил финансовую пользу, получил много положительных эмоций... Это и важно – получать радость. Ловить момент. Ты ловишь момент?

– Ловлю, – ответил Алексей, – наверное.

– Или просто ждешь этот момент. Стоишь и ждешь. За ним всегда нужно бежать, а как догонишь – то сразу все поймаешь... Эх! Ты посмотри, какая красота.

– Я ничего не жду. Отправляю заявки, просто я не тот, кто им нужен.

– Раскрою великий секрет, – подмигнул Евгений. – Они сами не знают, кто им нужен. Им просто нужно показать.

Из студии вышла Светлана, поежилась.

– Господа актеры! – позвала она. – Вас уже ждут!

– Идем, – кивнул Евгений.

Они пошли, неспеша обходя подсыхающие лужи, в которых вяло крутились вокруг себя желтые листья. Алексей задумался как они сюда попали – вокруг метров на триста ни одного дерева.

Поднимаясь на лифте, они слушали разговор Светланы по телефону.

– Если завтра снова опоздаешь на съемки, с тобой больше никто не будет возиться... Нет, я понимаю, что у тебя

дети, их нужно в садик отвести, но ты и меня пойми... Нет, я не могу попросить отсрочить время. Оставь их с женой! В смысле не может?..

– Никиту ругает, – шепнул Евгений, криво улыбнувшись. – Ты текст выучил?

– Да, – кивнул Алексей.

– Зря, – вздохнул Евгений. – Хочешь стать артистом, не зубри текст, а живи им. Тогда появляется свобода. А свобода – залог любой жизни. А любая жизнь живет экспромтом, в ней нет четкого расписания или плана...

– Что вы там шепчетесь? – спросила Светлана.

– Репетируем, – ответил Алексей. – Роли повторяем.

Евгений кивнул.

– Женя, от текста не отходи... – ее взгляд превратился в холодное оружие пыток. – Полгода назад я чуть не описалась от ужаса!

– Ты испугалась, а Виталик меня похвал, – Евгений поправил галстук. – Надо будет, отойду от текста.

Они вышли из лифта, пошли по длинному коридору со множеством дверей. Каблуки Светланы выдавали четкий солдатский цокот.

– Там сейчас не Виталик работает, а другой человек. Какой-то Лаврентий Александрович. Не лицо, а жабья рожа. Вечно недовольный. Как мне сказали, он любитель затянуть съемки только из-за того, что ему не понравился дубль... И это где?! В гребанном реалити-шоу с подставными артиста-

ми. И чаще непрофессионалами!

Они подошли к двери с табличкой «СТУДИЯ 150. ДАВАЙ РАЗВЕДЕМСЯ». Постучали. Зашли.

К съемкам готовились тщательно – Лаврентий Александрович оказался педантичным режиссером. Он десять минут отчитывал на повышенных тонах художницу по декорациям – милovidную брюнетку с почти детским лицом.

– Твоя дура ассистентка поставила цветы! На кой черт в передаче, где адвокат разбирает дела до суда, на столе стоит цветы? Нет, ты мне скажи, Лида, она кретинка? Пусть графин с водой поставит лучше! Нахрен все эти цветочки? Убирай! И цветы тоже! И ассистентку свою тоже – вон!

– Нервный, – заметил Алексей, пытаясь унять дрожь и чувствуя, как вчерашний заученный текст уплывает из головы.

– Да как все начальники – обычный, – пожал плечами подошедший Евгений, зажевывая мятной жвачкой коньяк.

В углу сидела женщина, красила тушью длинные ресницы, и словно вся тянулась вслед за кисточкой, опровергая при этом все рассказы о раскрытом рте во время процесса. Светлана кивнула в ее сторону.

– Это Надежда, – сказала она актерам, – твоя жена и твоя мачеха.

Евгений хмыкнул.

– Я не прочь побыть ее мужем.

– Что у тебя с лицом? – спросила его Светлана.

– А что? – нахмурился тот.

– Да как будто у тебя... – Светлана провела рукой щеке, хотела что-то добавить, но ее перебил возглас режиссера.

– По местам! Актеры!

Все засуетились. Надежда захлопнула зеркальце, кинула вместе с тушью в сумочку, вальяжно, виляя бедрами из стороны в стороны, как только что ступивший на землю матрос, села за стол. Вошел адвокат Никоненко, поправил очки, разложил перед собой листочки с текстом.

– Адвокат никогда не учит текст, – шепнул Евгений, – всегда читает его один раз перед съемкой очередного выпуска, а потом заглядывает.

– За столько выпусков особо и учить ничего не надо, – ответил Алексей.

– Так, вы Нина, жена бизнесмена, – Лаврентий Александрович наставил на нее ручку, сверяясь со сценарием.

– Верно, – кивнула та и зашевелила ресницами.

– Могли бы одеться и получше, – недовольно промычал режиссер. – Так, а вы, ее муж...

Евгений кивнул и совершенно не смутился, когда Лаврентий Александрович оценивающе осмотрел его с головы до ног.

– Сойдет... Хотя, часов у тебя нет что ли?

– Да потерял часы как месяц назад, а новые пока что не покупал, – ответил Евгений.

– Черт! – режиссер снял с руки свои. – Держи, только не

потеряй их. Они стоят больше тысячи баксов...

– Буду беречь как зеницу ока! – Евгений одел часы.

– Так, пьющий муж, бизнесмен, от тебя уходит жена, ты не хочешь ее отпускать, но узнаешь, что твой сын стал ее любовником, – протараторил режиссер. – Черт, сценарист бездарность полная!.. Так, ладно... А где сам сын?

– Я здесь, – отозвался Алексей.

– Так, хорошо, ты сын, признаешься отцу что состоишь в интимных отношениях с мачехой и хочешь жениться. В конце ты дерешься с отцом, – он хлопнул в ладоши. – Так! Пробегает по всем ролям два раза, без камер. Потом начинаем.

Они пробежали. На все ушло час. Лаврентию Александровичу вроде все нравилось. Светлана стояла поодаль, за камерами и нервно грызла ручку.

– Так, – засопел режиссер. – Жена, больше раскрепощенности. Вы должны быть настоящей блядью, которая повелась вначале на деньги, а потом на молодое тело.

– Я не блядь вам! – недовольно высказалась Нина/Надежда.

– А по сценарию именно она! – крикнул режиссер и зашуршал листочками. – Больше страсти, что ли. Эх... вы же можете, по видеовизитке видел. Постарайтесь! Так, а муж очень хорош! Черт! Вы просто пушка, не иначе! Учитесь, отработывает деньги на совесть.

Евгений хмуро кивнул – он потирал левую щеку.

– Я тебя не ударил? – спросил Алексей.

– Да нет, просто онемела как-то... Словно не чувствую...
Брунда! – махнул тот рукой.

– Сын же... сын же... – задумался режиссер, разглядывая Алексея. – Ну сын неплохо играет, но как-то заучено все. Добавь экспрессии. Опрокинь... опрокинь графин что ли. Брось в папу. Сможешь?

– Смогу, – кивнул Алексей. – А не вычтут за графин?

– Нет, не вычтут. У нас этого реквизита полно. Ладно, еще разок пробежимся и снимаем.

Через полчаса включили камеры. Алексей срочно хотел в туалет, но держался. Жалел о выпитом с утра кофе.

Жена жаловалась, что муж пьет и хочет с ним развестись несмотря на то, что он бизнесмен и каждый день дарит ей подарки. Никоненко пытался мирно договориться, найти компромиссы. Жена слушать не хотела, возможно потому, что адвокат говорил неуверенно.

Пригласили в студию мужа. Евгений зашел как самый настоящий царь зверей, повелитель своей судьбы, поправил галстук, часы, сел за стол напротив жены. Начал ласковыми словами уговаривать ее одуматься – но та ни в какую.

Лаврентий Александрович напоминал крупную упитанную луговую собачку, прислушивающуюся к приближению опасности. Он не смотрел на текст, а водил пальцами по буквам – его взгляд нацелился только на само действие.

Мастер по свету потел, но пот со лба не вытирал.

Алексей жевал губы, топтался на месте и мысленно пы-

тался успокоить свой мочево́й пузырь.

Никоненко предложил позвать сына для развеяния некоторых вопросов.

Алексей пошел в студию и с ходу начал говорить, заикаясь, волнуясь, злясь:

– Папа! Папа, я люблю Нину! Я хочу на ней жениться! Дай ей развод, и мы уедем, папа!

Режиссер заулыбался и закивал. Светлана бесшумно хлопала в ладоши.

– Сынок, что ты такое говоришь? – Евгений привстал. – Да как ты... – дальше слов не последовало.

Режиссер заерзал на стуле. Он решил подождать еще пять секунд и начать заново сцену с приходом сына.

Алексей замер и видел все.

Левая половина лица Евгения опустилась вниз, словно под кожей и мышцами разрушились все поддерживающие опоры. Глаз закатился – белок влажно блестел в свете софитов. Рука повисла как тряпка на бельевой веревке.

– Что? Что произошло? Камера стоп! – закричал режиссер, размахивая руками. Листочки с текстом упали ему под ноги. – Он что, текст забыл?

– Я ничего не вижу... – проговорил Евгений, правая рука прижалась к раскрасневшемуся лбу.

– Женя! – крикнул Алексей. – Женя! Ему кажется...

Надежда завизжала. Никоненко вздохнул, вытащил сигарету, сунул в рот, но не закурил.

Евгений упал на пол. Стул упал рядом.

– Черт!.. Скорую! Быстро! – закричал Лаврентий Александрович.

Два часа спустя Алексей сидел на улице у входа в студию, курил и пытался запихать в себя кофе.

Подошла Светлана.

– Закурить есть?

Алексей молча протянул ей пачку и зажигалку.

– Не курила три месяца, все бросала, – усмехнулась Светлана.

– Стандартная фраза в фильмах, в том моменте, когда после смерти одного из ключевых героев, персонажи собираются поговорить об этом, – бесцветно отчеканил Алексей.

– Верно подмечено, – кивнула Светлана. – Но жизнь не кино. Господи... Поверить до сих пор не могу!

– А я пока что не понимаю, просто не понимаю...

– Я взяла его телефон, подержу у себя, на случай если кто-нибудь позвонит из его родственников.

– У него вроде и не было никого, – пожал плечами Алексей.

– А я слышала про жену и детей. – сказала Светлана, вытирая слезы, – Но дети должно быть уже взрослые... Он же двадцать лет вот так вот, играл в массовке разные роли. Его хвалили все. Когда он обратился к нам в агентство, я вначале не давала ему ролей. Мне он не нравился. Врала, что режиссеры анкету не утвердили... Он не ругался, не требовал,

ждал. А потом я все-таки отправила его анкету, режиссеру Маслянову, для его фильма про киевскую Русь. Он как увидел анкету, сразу утвердил его на роль палача. Сказал, что Евгений хороший артист. Не стоял на месте... Он ему как-то роль предложил, не главную, а второго плана. Но Евгений отказался.

– Отказался? – удивился Алексей. – Почему?

– Сказал, что она ему не по плечу. Да мол, и спокойнее ему быть статистом.

– Ясно. Ладно, я пошел.

– Возьми деньги. За сегодняшнюю съемку. Ты неплохо играл.

– Спасибо, но, если вдруг позвонят родственники Женьки, вы лучше их им отдайте. Им пригодиться. А если не позвонят, то на карту вышлешь и все.

– Хорошо, давай, Алексей, до связи, – кивнула Светлана.

Алексей долго ехал в метро по малой кольцевой. Остановки повторялись трижды. Он не торопился – сегодня он взял выходной и не планировал доставлять заказы из ресторанов. Катя писала, спрашивала, как дела и в силе ли их планы на прогулку, но Алексей не отвечал. Два раза звонил Антон – звонки остались непринятыми. Мама написала и попросила после съемок зайти в магазин за яйцами и молоком.

Алексей никуда не торопился, успел даже послушать саксофониста с длинными волосами и бородой как у Деда Мороза. Возможно, это тот самый парень, с которым Евгений

вчера пил пиво, а утром, перед инсультом, вспоминал его. Музыкант сыграл неплохую версию главной темы из фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих». По крайней мере вышло достаточно красиво.

Алексей дал саксофонисту сто рублей, а после вышел на Октябрьской.

Вечером Антон дозвонился до него.

– Алло? Привет, ты все на своих съемках пропадаешь?

– Да нет, съемки давно уже закончились, – ответил Алексей.

– Ясно. А чего трубку не берешь?

– Да уснул. Отдыхал.

– Ну что, подумал над моим предложением? Пойдешь ко мне в смену?

– Слушай, Тоха, скажи мне почему ты перестал писать свои рассказы?

– Перестал?.. А что такое?

– Да так, спрашиваю.

– Ну почему перестал, пишу. До сих пор. Только в стол.

– А почему не публикуешь?

– А зачем? Все равно же не оценят правильно. Я вот читал все их правила как быть писателем, расстроился только. А так, как я пишу, никому не нужно.

– Откуда ты знаешь, что не нужно?

– Да чего ты пристал?! Не нужно и все. Знаю. Плохих писателей много.

– Ну да... как и актеров...

– Чего?

– Слушай, Тоха, у меня голова болит, я тебе потом позво-
ню. Выпью таблетку и спать. Завтра пообщаемся.

– Ну хорошо, бывай.

Алексей сидел перед большим в полный рост зеркалом, которое использовал для репетиции тех ролей, где нужно проговаривать текст. Рассматривал себя. Думал о том, что говорил ему Евгений. Лови момент. Да. И где он теперь после этого? Умер! И никто о нем ничего не знаю. Даже родные, наверное, до сих пор не знают.

Он нашел диплом об окончании актерских курсов. Совершенно не Щукинское училище, как он всем говорил, а обычные шестимесячные курсы. Почитал, а потом пошел на кухню и выбросил в мусорное ведро. Удалил из «телеграмма» и «ватсаппа» все контакты, связанные с массовойкой, и пошел смотреть фильм, решив для себя, что забудет дурацкие мечты и повзрослеет. Если Антон понял, что его не оценят по достоинству, нашел в себе мужество, значит...

Мать пришла около десяти вечера и сразу же пошла в комнату к сыну.

– Алеша, ты не поверишь! – выпалила она.

– Что такое? – Алексей сел на кровати, выключил фильм.

– Да сегодня с девчонками смотрели одно кино. Сериал этот русский, про любовь и все такое. Ну эти дурацкие сериалы!

– Ну и что?

– Помнишь ты в одном играл роль официанта? Ну так вот, тебя в том сериале мы и увидели!

– Круто! – улыбнулся Алексей.

– Еще бы не круто! Дай пять! Молодец! Я всем сказала, что это мой сын... Девчата сказали симпатичный, с харизмой. Актером известным можешь стать. Вот ты у меня какой!

Алексей вскочил, быстро пошел на кухню.

– Алеша, ты куда? – спросила мама.

– Да так, я тут одну глупость сделал... Теперь исправить хочу!

28.03.2022.